

ДОРОГА ВПЕЧАТЛЕНИЙ

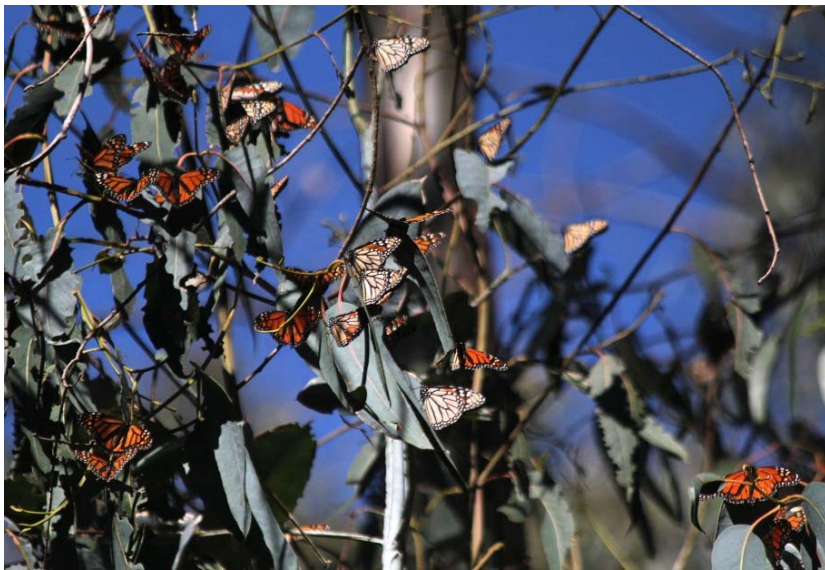
Ранним теплым февральским утром мы выехали на двух машинах из Лос-Анжелеса в Сан-Франциско. Ехали мы по знаменитой дороге номер один, к которой лично я относился очень скептически. Основная причина – американские восторги зачастую чересчур патриотично-провинциальны, их надо делить на простое число – скажем, на семь. Но, забегая вперед – в отношении этой дороги они, «американцы», правы, а я, «космополит» – нет.

Дорога, действительно, необыкновенной красоты. Однако, красота эта проявляется не сразу. Выезжаешь из душного Лос-Анжелеса сквозь череду безликих поселков: Беверли-Хиллз, Санта-Моника, Малибу... Что ни городок – то название фильма. Дорога ведет к Санта-Барбаре. Это место проделало когда-то дырку в голове советским домохозяйкам из-за телесериала с таким же названием. Чушь была отменная, но слово стало нарицательным. А значит, и чушь была не совсем чушь.

В Санта-Барбаре находится одна из известных испанских миссий времен колонизации Калифорнии. Заехав в нее, сразу чувствуешь себя не католиком. Кем угодно, хоть пингвином, но не католиком. Мрачная все-таки в испанской культуре одухотворенность, мрачная и не симпатичная. Хотя вот мрачный Рибера, или мрачный Сурбаран, или мрачноватый Веласкес – их мрачность не мешает им быть моими любимыми художниками. Но все равно, будь я индейцем – ни за что не стал бы католиком. С другой стороны, доброе слово и маузер убеждает гораздо лучше, чем просто доброе слово...

Рядом с Санта-Барбарой находится уникальная роща *Goleta Butterfly Grove*. Начиная с конца ноября, здесь останавливаются на пути своей миграции миллионы бабочек-монархов. Ничего не зная о католицизме, они нескончаемо беспечны и потрясюще великолепны. Их

вудсток находится на десятке деревьев в негустом лесу. Неприметная тропинка приводит к совершенно банальной канаве, потом невзрачный пригорок, еще несколько шагов, и... началось! Сначала трудно понять, но потом привыкаешь – и смотришь, и различаешь цвета, но главное – воспринимаешь не только всю атмосферу, но и каждое создание в частности.

Вокруг – буйство, вакханалия, какой-то сюрреалистический беспредел бабочек вида монарх. Монархи-бабочки намного симпатичнее, чем их двуногие тезки. Они проводят лето

в Канаде, а к зиме отправляются в Мексику, Калифорнию, Флориду. Цели достигает лишь четвертое поколение, так как век одного – всего три с небольшим недели. Как они выбирают путь, не знает никто. Загадка, тайна, один из секретов природы. Прилетают в строго определенные места, едят там строго определенные листья неизвестного мне растения, позируют, порхают, образуют косы на деревьях, спариваются – и привет, в обратный путь, «что-то

жарко стало у вас тут»... И все повторяется по кругу: Канада, «что-то холодно у вас тут»; иммиграция в США, «поколение достигшее цели» позирует перед фотокамерами, и – вновь в дорогу. Особенно хороши самки, как и должно быть в природе.

Надо иметь в виду, что монархи вырабатывают какую-то особо ядовитую секрецию, что делает их несъедобными для птиц. Монархи – единственные бабочки, которым удастся пересечь Атлантический океан. Тем не менее, в Европе они встречаются очень редко, в основном на Мальте, Мадейре, Канарах. Говорят, их много в Новой Зеландии. Может их там и много, но нас – мало...

Я вспомнил юрмальское лето, луга в устье Лиелупе. Все звенело и колосилось. Над лугом летали бабочки – капустницы, крапивницы, белянки, павлиний глаз, иногда, ближе к лету – траурницы и адмиралы. Но я искал махаона. И не нашел. Ни разу. Хоть и старался, и бегал с сачком как настоящий фанатик.

И вот теперь, довольно далеко по расстоянию от Юрмалы и бесконечно далеко по времени от тех лугов – монархи, кругом монархи, как снежинки в метель, как хичкоковские птицы фантастической красоты, как аватаровская мультипликация... а все-таки луг сильнее.

Следующим номером программы были лежбища *elephant seals*, уже не знаю как они по-русски кличутся – морские слоны, котики, слоновые тюлени... Впрочем, на привычных тюленей они совсем не похожи. Я видел в этом году тюленя в Исландии в действии. Бандит сожрал трех чаек подряд, и чувствовалось, что это для него не предел. А местные гиганты мало походят на охотников, скорее на сибаритов во всей красе благополучной ленности. Лежбища производят впечатление. Не Командорские острова и не Антарктида, но все совершенно по-настоящему.

Видны непростые отношения прибрежного сообщества: гаремы, самки, детеныши, одиночки – все строго определено какими-то неясными законами. Впрочем, это Америка, и я не удивлюсь, если морские слоны давно изучили 700 законов штата Калифорния и у них свои рейнджеры, суды и законопослушные граждане.

Если бы я мог, я бы провел там много-много часов. Оторваться невозможно. Лежит туша, тонна неподъемного жира – и вдруг устремляется с дикой скоростью к какой-то самочке за удовольствием. Собственно, удовольствия совершенно конкретные – кидать себе

теплый песок на спину, спать, купаться, кушать и-и-и-и... Неверно...И играть – перед тем, как будет «и-и-и-и». Выгнув спину, чувствовать, как некто покусывает твой загривок. Или наоборот – покусывать. Реветь от удовольствия. Позировать бесконечно. И спать – до, после, а иногда и вместо.

Лежбища расположены вдоль дороги, легко доступны. Всюду ходят туристы, фотографируют – как-то буднично: ну, между завтраком и обедом посмотрели одно из чудес света, никто не возбуждается, не теряет голову от счастья, не читает вслух «Моби Дика» или «Капитана Гаттераса».

После лежбищ «котиков» на Первой дороге начинаются настоящие кручи, дорога петляет по склонам, оставляя далеко внизу скалистые бухты. Вода в них зеленая, а пена – бело-голубая. Как такое может быть?

Мы ехали со своими друзьями, Артем поставил Бетховена в его – Артема – исполнении, это было прекрасно... Медведь, который еще в школе наступил мне на ухо, временно сдох и уполз, покусывая. Над машиной парили орлы. Все было так же прекрасно, почти по Чехову – и душа, и погода, и день, и пень...

